207
Туркменская Искра г. Ашхабад
12 МАЙ 1983

„ВМЕСТИЛИЩЕ БОЛЕЙ“

Плоть моя — вместилище
болей,
сердце сгорает в огне,
Душу гложет скорбь,
глаза застилают слезы...
Нутром рыдаю я,
духом скорблю,
Сквозь время мое
я боль эту пронесу...*

Так сказал о себе великий Махтумкули. Сразу же приходит на ум: «Поэт — не исцелитель боли, а сама боль». Право же, какая неуемная тоска, какая неизбывная боль у поэта! Строки — словно крик отчаяния. Крик, исполненный огненной страсти, сурового осуждения и неумолимого протеста.

И невольно задумываешься: откуда же столько горя и страдания? Неужели это — беспомощность растерявшегося разума или разочарование ранимой души? Ведь страждет-то не какой-нибудь фанатик, тоскующий по благам загробной жизни, а мыслитель, чей ум одержим страстью разобраться в сложностях человеческого бытия. Задумываешься и о личной жизни поэта. Да, она его не баловала: были лишения и нужда, расставания и неволя, потеря близких и крах первой любви... Но это ли заставляет поэта «рыдать нутром» и сообщать человечеству о своей скорби? Послушаем его самого:

В тумане тоски неизбывной
душа моя,
Льет, бедная,
неутешные слезы печали.
Кто же отзовется доле моей
страдальца?
Раненое сердце мое
лишается воли.

Можно подумать, слезы льет исстрадавшаяся, беспомощная душа, которая «лишена воли» перед лицом реальной действительности, устрашающей неравенством людей, неразрешимыми социальными противоречиями и конфликтами. Но так ли оно на самом деле? Может быть, здесь — голос разума, одержимого поисками более или менее устойчивых начал добра и справедливости в «этом блудном мире» и решительно не согласного с существующими порядками, но вместе с тем бессильного изменить их?

Плачу и молю я,
сердце терзают муки,
Огнем, как пищей, питаюсь я,
подобно семендер...

Сердце сгорает в огне, питается огнем — казалось бы, оно должно сгореть окончательно, и голос поэта должен заглохнуть. Но нет, дух его, дух неутомимого искателя истины, сгорая в огне, черпает в нем силы и смелость предъявить гневный счет миру зла и насилия.

«Столько страсти любовной во мне — на зависть Меджнуну, сколько мощи и одержимости во мне — поучиться бы Фархаду...» Но мир, с которым он вступает в схватку, — страшный мир безудержной власти сильных, под чьим гнетом изнывают соплеменники, чью участь облегчить не в силах один, какой бы богатырской мощью он ни был наделен.

Не будь болезнь серьезной,
не стал бы больной бредить,
Не будь глуп глупым,
не стал бы глупостей твердить,
Бедный Махтумкули
перестал бы слезы лить,
Когда бы пришел
конец мукам моим и боли.

Конца же мукам не предвидится, и поэт ищет, мечется. Совесть не дает ему покоя, будто злой, несправедливый и неустроенный мир сотворен его руками и за все злодеяния он должен держать ответ всенародно. Он пронизан внутренним страданием за судьбу — не собственную, а народную.

Но бессмысленно искать в такого рода стихах призывы к действию, как и неверно видеть в них лишь слезливые переживания пассивно созерцательного духа. Надо слушать поэта чутким, доверительным слухом, и тогда, как бы между строк, доносится трезвый, взывающий к действию голос: «Пробудитесь же, люди, ото сна, задумайтесь: злой мир сотворен злым деяньем вашим, сотворите же мир добрый вашим деяньем добрым. Внемлите словам поэта — словам правды».

Да, сквозь тоску и грусть поэт взывает к разуму, совести, порядочности, т. е. к самосовершенствованию, требует обуздать в себе злые побуждения и недобрые помыслы, отозваться на нужды тех, кому выпало в этом мире обездоленное существование. Однако тем, к кому обращен призыв поэта, нет дел до него. «Кого бы я ни встретил, все делом своим заняты, мою же душу муки терзают...» И тем сильней негодование и пафос, обличающие феодальное общество, где царят разделенность людей, необузданность и безнаказанность порочных:

Одни живут в мире этом,
блаженству предаваясь,
Другие — нечестность
честности предпочтя.
Третьи же творят все,
ничем не брезгуя...

Перед ним общество, в котором все доброе порушено, опорочено и людские отношения запутаны так, что только столкновение, схватка способны разрешить социальные конфликты. Поэт же надеется своим праведным словом выпрямить «кривых», усовестить нечестных. Но «как ты ни наставляй их на верный путь, им нипочем: тащут себе что попало, честно или нечестно...» И порой он вынужден признать, что его благие намерения разбиваются о деяния преуспевающих, кому весьма неплохо живется и без таких понятий, как честь, совесть, добродетель. Строки — словно проклятье миру, где попраны человеческие ценности:

Иди по миру,
по всем его уголкам
пройдись,—
Ведь смешалось все:
честность и нечестность,
бесы и джины...

Вот так, кажется, терпят полный крах добрые намерения поэта. Желание посеять словом семена человечности сменяют горькие сомнения. «Ну и что? — как бы вопрошает он себя. — Велик ли прок человечеству от твоих терзаний и назиданий? Стоит ли напрягать разум, дабы изменить мир, изначально существующий как мир неравенства, всесилия власти и богатства?» Крепость мудрых мыслей и возвышенных идеалов словно рушится от бессилия перед устрашающим всесилием порока времени. «Муками мира истерзана душа моя, ранами кровоточит тело мое...».

В такие минуты глубокого разочарования и уныния все то, чему он отдает силу разума и пламя страсти, кажется ему бесполезным, никому не нужным. Даже само ремесло поэта — великий «дар божий» — становится для него бессмысленным.

Нет ценителя ни слова твоего,
ни музыки твоей,
В зиму ли ты уйдешь
иль летом — знать не надо.
Зря ты боль эту выстрадать
собирался,
Зря за никчемное дело
с самого начала взялся.

Но поэт не может, да и не желает отречься от своего «никчемного ремесла», ибо знает, что его слова нужны соплеменникам, задавленным, обреченным на нищету людям, чье право жить достойной земной жизнью поэт отстаивает. Потому лишить их слова правды — слова сочувствия и сострадания, слова, волнующего сердце, просветляющего ум, было бы равносильно измене не только им, но и собственной совести. Пусть не у всех, может быть, отзовется твое слово, но истинному поэту не пристало молча и равнодушно наблюдать «неладный мир», где так много зла и несправедливости. Поэт должен говорить и наставлять: «Ведь мир широк, найдутся и такие, кто внемлет словам твоим». И поэт с новой силой обрушивается на «сумасшедший мир». Голос его полон негодования:

Ты, мир-грабитель,
орудуешь железными когтями!
Нет тебе дела
до чести и совести.
Сколько страданий и лжи
ты людям несешь,
Не давая любящим
остаться друг с другом!..

Поэт непрестанно испытывает внутренние терзания. Тоскуя, он то негодует, разит, бичует, то погружается в глубинное «море мыслей», но каждый раз интонации тоски врываются в его стих. Горестные, подчас скорбные чувства возникают не от личных жизненных неудач, тем более житейских неурядиц. Тут ни при чем пессимизм мировоззрения, часто приписываемый ему, якобы обусловленный верой поэта в фатальную предопределенность человеческого существования. Усматривать здесь «слезы» чувствительной души, переживающей свое одиночество и беспомощность, также будет неверно.

Нет, истоки нескончаемых горестей поэта в другом — в глубочайшей сопричастности его дум и чувств с трудной долей народа. Созерцая и осмысливая мир, в котором он живет, Махтумкули видит и чувствует всю неизбывность и безысходность творимых вокруг бед и невзгод, и это гнетет его душу и сознание. Словно быть причастным к судьбам людей, делить их горести и печали предназначено ему самой судьбой. Поистине, как сказано у другого поэта: «Мир раскололся пополам, и трещина прошла через сердце поэта». Да, именно через сердце, оттого и чувствительнее, сильнее боль, которую переживает поэтическая душа. Оттого, может быть, он так резок и так беспощаден в изобличении «мира блудного», «колеса времени» — обобщенного выражения реальных порядков, которые порождают гнет. Это вызывает у него сочувствие, глубокое сострадание народу, в котором он видит неистребимую созидательную силу, неукротимый дух, вдохновляющий мысль и творчество.

Словом, так называемые печальные стихи свидетельствуют не только о тоске поэта. Осмысление их позволяет уловить мотивы, своеобразно утверждающие красоту и блага земной жизни. Сделать ее, эту жизнь, чище, добрее и справедливее может тот, кто сам стремится быть чище, добрее и справедливее. Будь таким, человек! Ибо изначальное твое призвание — сеять добро на земле. Таков явно ощутимый призыв, скрытый в скорбных интонациях поэта.

Ведь он мог не страдать так болезненно и не скорбеть. Мог вообще не страдать. Даже в том, феодальном обществе он мог устроиться весьма удобно, если не сказать роскошно. Но — не сумел. Не сумел, потому, что служение иной цели считал позорным для поэта, для себя.

...Удивительное это дерево, которое уходило корнями в народ, кроной возвышаясь над ним. И нерасторжимая духовная сопричастность питала дух поэта, его разум и сердце, в котором вмещались боли не одного и не многих, а целого народа, целой эпохи.

Худайберды ДУРДЫЕВ.

*) Здесь и далее подстрочный перевод мой. Х. Д.